

Из цикла «Дурацкие рассказы. Из старых времен»

Бочка пива

Мой первый литературный опыт. По мотивам Марка Твена

Этот рассказ я написал давно. Он и стал моим первым прозаическим опытом. Дело было в начале 80-х годов прошлого века. Рассказ был простенький, история списана с натуры, как я услышал ее в изложении очевидца – нашего Кузьмича. Мы с моим другом Антоном работали тогда на стройке, в бригаде плотников-бетонщиков. Работать нам было неохота, мы мнили себя литераторами, в вагончике, в котором жили вдвоем – с нами еще Леха, он был отделочником и работал в другой бригаде, на другом участке – постоянно собиралась публика, которую мы определяли как богему. Мы читали стихи, пели под гитару, иногда слушали классическую музыку на примитивном проигрывателе – проигрыватель часто ломался, да и пластинок было мало. Ну и, конечно, сочиняли. Часто – ночами, поэтому регулярно опаздывали на работу. Бригадир косо на нас поглядывал, но молчал до поры.

В бригаде был один старый (старый – по нашим меркам: два года до пенсии; мы-то, сопляки, только-только подбирались к своему 25-летию), кадровый рабочий. Звали его Анатолий Кузьмич, или просто Кузьмич. Он был сухонький, невысокий, но жилистый и рукастый. Плотник-бетонщик он был высшего разряда, а еще – каменщик, стропальщик и Бог знает кто. И великий мастер травить анекдоты, а чаще того – истории из жизни. И вот однажды после обеда, когда бригада перекуривала в вагончике, бригадир Володя попросил:

- Кузьмич, расскажи молодежи, как в прошлом году тебя милиция замела за доброту твою!

Кузьмич разогнал ладонью чужой дым – сам не курил, - рассказал незамысловатую, но действительно смешную историю. В эпоху повального дефицита – а я рассказываю про то время, про ту эпоху – пиво, например, в нашем небольшом поселке было событием. И вот привезли в выходной пиво, а у Кузьмича на тот момент случились шальные деньги – что-то кому-то где-то построил или отремонтировал, - проходил мимо машины, с кузова которой это пиво продавали. Из деревянной бочки наливали в бидоны. У машины, конечно, толпились мужики. Черт ли Кузьмича дернул или бес нашептал, только пошелестел он в кармане своими сбережениями, подошел к машине сбоку и говорит продавщице:

- А продай мне бочку!

Та не поняла сначала – думала, он пустую бочку просит. А когда поняла – растерялась. Ну и продала. Кузьмич мужиков попросил, те сняли бочку, не понимая еще – в чем дело. Он ее раскупорил, попросил у водителя шланг чистый – не тот, через который он бензин сливает, - вставил шланг в бочку и говорит мужикам:

- Угощайтесь!

Те оторопели. А когда поняли, что он им бесплатное угощение предлагает – ну, тут пир и пошел.

- Только я с тех пор понял: халява – самое страшное для нашего человека, - говорит Кузьмич. – Они сначала-то очереди держались, а как бочка убывать стала – давай друг друга отталкивать. Я было вмешался – ну, прилетело мне.

А кончилось и вовсе смешно, хотя и грустно. Неподалеку от площади, где злосчастная машина с пивом стояла, находилось отделение милиции. Из окна блюстители увидели беспорядок, вышел молоденький сержантик, мужиков усмирил – и спрашивает у

продавщицы: кто, мол, инициатор беспорядков? Та и укажи на Кузьмича. Ну, его и загребли, а за сопротивление – не хотел он идти, все пытался рассказать – как на самом деле было – еще и пятнадцать суток вклепили.

- А у нас – объект срочный, сдача, - это уже Володя, - пришлось аж через начальника стройки его из каталажки вызволять.

Мы в вагончике над историей посмеялись, пошли работать. А потом я написал про это художественный рассказ, кое-что изменив и приукрасив, конечно, и понес в редакцию.

Рассказ у меня не приняли. Заместитель редактора районной газеты, куда я принес рассказ, ничего толком сказать не могла сначала. Долго шелестела бумажками, хотя рассказ был всего на двух страничках. Потом вздохнула:

- Приходи завтра, поговорим.

О чем было говорить? Ну нет – так и сказала бы: «Не подходит!»

Я пришел завтра. Уже по тому, как тяжело и брюзгливо кряхтели под моими шагами ступени скрипучей лестницы, поднимая меня на второй этаж, я понял: ничего хорошего меня не ждет. И заранее жалел об этом. Рассказ был принесен с дальним прицелом, я очень хотел устроиться на работу в эту газету. Но редактор, нестарый, сорокапятилетний примерно мужик с убегающим взглядом, брать меня упорно не желал. И не отсутствие образования было тому виной – половина его корреспондентов не имела журналистского образования (район – не город), - а что-то другое, о чем он не говорил. И вот теперь тяжкое бремя ответственности за очередной отказ он переложил на хрупкие плечи своей замши, слабой и доброй женщины. А сам ушел в отпуск. Она бы, может, и напечатала, да и на работу бы взяла, пожалуй, но – установка.

В кабинете заместителя редактора, кроме нее, был еще один человек, я его узнал. Это был парторг стройки. Он иногда приходил к нам в вагончик, в котором мы жили втроем с моими друзьями, приходил чаще всего в отсутствие меня и Антона, специально стараясь застать на месте одного только Леху, который часто работал в ночную смену. Леха с виду казался простаком, и парторг пытался этим воспользоваться. За нашим вагончиком гуляла по стройке и поселку (потом он стал городом) дурная слава: будто были мы не то диссидентами, не то сионистами, и собирались у нас темные личности. Диссидентами мы были, наверно, потому, что часто громко вслух читали Евтушенко и Вознесенского, которые нам тогда казались самыми смелыми на поэтическое слово, а сионистами – потому что к нам часто действительно приходили две «темные личности», два московских еврея, люди живые, в меру просвещенные, а по условиям поселка – так просвещенные сверх всякой меры. Я их называть по именам не стану, они нам дальше в повествовании не понадобятся.

Парторг примитивно пытался расколоть нашего Леху на какое-нибудь нечаянное признание. Он просил налить себе чаю – отказать ему Леха не мог, парторг стройки, а вагончик – ведомственный, - потом поднимал к потолку глаза и, как бы вспоминая что-то, произносил, например:

- Я входил вместо дикого зверя в клетку,
выжигал свой срок и кликуху огнем в бараке,
жил у моря, играл в рулетку,
обедал Бог знает с кем во фраке, - и спрашивал у Лехи: - Как там дальше – не помнишь?

Леха местами был человеком девственным в части культуры, но кое-что знал. Неиздаваемый еще Бродский у нас в рукописях водился. И простаком Леха не был. Он, конечно, мог сказать парторгу, что у автора – не «огнем», а «гвоздем», и не «Бог знает с кем», а «черт знает с кем», - но зачем? Леха наивно спрашивал:

- Это же из «Братской ГЭС» Евтушенко? Нет, что-то дальше не помню...

Раздосадованный парторг уходил, не допив чай и бормоча под нос:

- Навезут дурачков из провинции!..

Его короткий и негибачный ум не в состоянии был понять, что его «развели».

Вот такой человек сидел передо мной в кресле редакторской замши, а та робко притулилась на стульчике у стола. Как только я вошел, она вскочила, сказала:

- Я на минуту выйду к корректорам! – и больше уже не появлялась до конца нашей беседы.

А беседа была такая.

Парторг... чужой фамилией я его называть не стану, потому что любую фамилию он замазает, а его настоящую говорить брезгую, пусть будет: К. Так вот. Парторг К. сразу взял быка за рога. Он долго и тяжело на меня смотрел, долго и тяжело молчал – видимо, он так себе представлял психологическое давление. Потом взял с замредакторского стола два уже не совсем свежих листка с моим рассказом, подержал их перед глазами, как бы измеряя еще раз глубину моего нравственного падения, брезгливо положил листки на стол, спросил:

- Вот ты... вы понимаете – ЧТО вы написали?

Я пожал плечами:

- Рассказ. С натуры. Это реальный случай.

- Правда жизни, значит? – К. снова построил тяжелый взгляд. – Правда жизни и художественная правда – не одно и то же! Художественная правда – это... это – не правда жизни! Это – художественная правда!

Он чеканил бессмысленные слова, я смотрел на него с изумлением. Зачем звали-то? Рассказ – совершенно бытовой, претендующий на смешное, причем тут правда-неправда?

Парторг неожиданно встал, подошел ко мне вплотную – я забыл сказать, что все это время я так и стоял посреди кабинета, как вошел. Он подошел ко мне вплотную и вдруг спросил:

- Вы там общаетесь с этими... евреями двумя – кто они такие?

(Все-таки пригодились они в повествовании: Гуревич и Бейлин.)

- Вот эти – Гуревич и Бейлин, - они кто такие? – снова спросил парторг и придвинулся еще ближе.

Я снова пожал плечами:

- Наши друзья. А чем они вам не угодили-то? Они в стройуправлении работают, специалисты оба, один инженер, второй...

- Да знаю я – кто они такие! – раздраженно замахал рукой К. – Что вы мне тут рассказываете их автобиографию!

- Так вы же спрашиваете – кто они...

- Я спрашиваю в идеологическом смысле! – отчеканил парторг. – Кто они? К чему они вас ведут? Чему учат? Что подсовывают?

Я начал понимать – о чем он, и меня стал разбирать смех.

- А, вот вы о чем, - я сделал вид, что оживился. – Да, действительно подсовывают. Надоели уже, деваться некуда. Вот, «Братскую ГЭС» недавно вслух читали, помните, есть там – про рабов, про пирамиды...

Парторг свирепо уставился на меня, почти закричал:

- Что вы – сговорились?! «Братская ГЭС»... Знаю я, какая ГЭС у вас там... братская...

Он закончил неожиданно, но так, что мне запомнилось на всю жизнь:

- Мой вам совет: читайте поэта Михаила Дудина. А с этими товарищами вам лучше порвать навсегда. Общение с ними заведет вас в идеологическое болото, - последняя фраза прозвучала почти торжественно.

На этом мы и расстались. Замредактора так и не вернулась в свой кабинет: стыдно ей было, видимо. Я понял, что на работу в газету меня не возьмут из-за моей склонности очернять действительность.

И вот прошли годы, началась перестройка, другая жизнь – и я снова вспомнил про свой рассказ. Теперь на «очернительство советской действительности» наверху смотрели

очень даже положительно, и всякий, самый мелкий издатель, старался быть, как теперь говорят, в тренде, а тогда говорили – на гребне.

Газета к тому времени разделилась на районную и городскую (поселок стал городом), и бывшая замредактора стала редактором районной газеты. Теперь она сама определяла – кого печатать, а кому отказывать. Приняла она меня с распростертыми, про тот случай не вспоминала, и рассказ мой, не читая, прямо при мне отправила в набор. Сказала прийти завтра – вычитать гранки.

Я, как и несколько лет назад, пришел завтра. Ступени скрипели все так же подозрительно и недоброжелательно. Я насторожился. И не зря.

В кабинете редакторши (кабинет-то остался прежний, в котором она еще замшей сживала), кроме нее, сидел еще Иван Юрьевич Кононенко, матерый, опытный журналист-сельхозник. Про Ивана Юрьевича ходили легенды: будто он по одному внешнему виду каравай мог отличить – из какой муки тот был испечен, а по срезу говядины сказать – чем коровушку кормили при жизни и на каком году ее этой жизни лишили.

И еще кое-чем был знаменит Иван Юрьевич Кононенко в журналистских кругах. Он никогда не писал газетный материал объемом меньше, чем на полосу. На работу он всегда приходил, неся с собой в портфеле литровую банку бражки, ставил ее в стол – и писал, отхлебывая. К концу дня был весел и непринужден. Впрочем, материалы его выходили добротные, в них невозможно было найти фактических ошибок, и поэтому районные аграрии, со многими из которых он был на «ты», его уважали.

Вот такой человек теперь сидел передо мной – и улыбался блаженно.

- Здорово! – Иван Юрьевич встал, протянул руку. – Садись, поговорим.

Редакторша сказала:

- Я на минутку к корректорам! – и вышла.

Ничего еще не понимая, я все-таки забеспокоился.

- Я тут случайно в наборе твой рассказ увидел... - задумчиво сказал Иван Юрьевич и замолчал. Он рассматривал меня некоторое время, потом взял гранки (гранки! мой рассказ уже был набран, уже был готов пойти к читателям!), положил их перед собой.

- Давай я тут некоторые... избранные места прочту, обсудим.

Я начал заводиться.

- А чего обсуждать-то? Все с натуры писано. Не подходит рассказ – ну, пусть мне редактор об этом скажет, я в другое место отнесу... в журнал отправлю.

- Ну, можно и так, - весело сказал Кононенко и вдруг засмеялся. – Слушай, а ты правда не читал у Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», нет?

- Не читал и не собираюсь! – ответил я раздраженно. – Сатира-юмор – это не мое, я считаю, жизнь заслуживает серьезного к ней отношения!

Кононенко изумленно уставился на меня.

- Жизнь заслуживает серьезного отношения? Ну, старик, ничего смешнее я еще не слышал... Ладно, черт с тобой, - он убрал ухмылку. – Давай тогда говорить серьезно. Вот у тебя тут есть портреты мужиков – очень колоритные. Они же сельские, мужики-то эти, так я понимаю? Ну, они у тебя тут – трактористы, дояры, скотники...

Я кивнул согласно.

- Сельские.

- И они такие... передовики производства в основном, да?

- Ну да. Это – чтобы контраст построить: типа – передовики производства на работе – а вот бытовая ситуация, соблазн небольшой – и они уже ведут себя, как...

- Ну да, ну да, как скоты! – весело закончил Кононенко и опять почему-то засмеялся. Но тут же снова посерьезнел. – Тут у тебя один передовик «с бородой ежиком» - кстати, как это – «борода ежиком»? Ну, неважно. Так он у тебя экономит в сезон на тракторе ДТ-75 тонну бензина. Крутой мужик. Кстати, трактор ДТ-75 работает не на бензине, а на дизельном топливе, которое в просторечии называют соляркой. Да ладно, пускай и это

неважно. Но вот тут дояр есть – шедевр! Доска почета по нему плачет и выставка достижений... Он у тебя доит от одной коровы по центнеру молока за раз. Ну, в Израиле, я читал, действительно случается годовой надой до 12000 литров от коровы, делим на месяц, получаем 1000, делим на количество дней... ну, центнер-то все равно не выходит! А мы – не в Израиле, в Сибири. Ты бы хоть поинтересовался у кого. Да хоть у меня.

Иван Юрьевич как-то враз утратил веселье, говорил он со мной, скорее, уже грустно. А я, пристыженный и бездарный, сидел перед ним дурак-дураком.

- Ну, больше тебя мучить не буду, только одно вот еще замечание. У тебя герой-то, Петрович, откуда деньги на пиво взял – от вырученной картошки?

- Так сдают же картошку-то, каждый год сдают, сам видел...

- Сдают, - согласился Кононенко. – Верю, что видел. В календарь смотрел – когда видел-то? У тебя в рассказе дело происходит в середине июня. Картошку у нас когда копают, в Сибири? Эх... - он безнадежно и как-то обиженно даже махнул рукой. Отдал мне полосу с гранками рассказа – если сначала мне запах типографской краски казался приятным и обнадеживающим, теперь краска неприятно воняла, и больше ничего. – Ты свой рассказ в таком виде никому больше не показывай. Я – добрый. Другие побить могут.

Я вышел из редакции, оглушенный, пристыженный, униженный – кем? чем? – собственной бездарностью и глупостью. Понятно было, что после такого... дебюта меня не возьмут в эту газету даже курьером. Лить мне пожизненно бетон, класть кривую кирпичную кладку (она у меня получалась исключительно кривая), писать графоманские строчки ночами: «Даль голубая, синь бесконечная, Травы в слезинках росы... Здравствуй, Сибирь, моя, добрая, вечная, Я – твой хозяин и сын!» - было у меня такое стихотворение...

«Напиться, что ли?» - подумал я и побрел к магазину, где торговали вином. Вчера на стройке выдали получку, и деньги у меня были.

А в магазин завезли пиво. Его продавали из деревянной бочки. Сверху был ввинчен специальный кран, и пиво разливали в банки, бидоны. Мужики толпились, очередь была человек сорок. И вдруг меня осенило: «Вот он, момент искупления!» Почему «искупления»? А шут его знает! Но так я подумал тогда.

С трудом протолкавшись сквозь плотную железобетонную очередь («мужики, я только спросить, честное слово!») к продавщице, свирепой от внезапно навалившейся работы, я спросил:

- Если я бочку куплю – сколько стоит будет?

Та не поняла сначала, потом до нее дошло, что ей же меньше работы, она быстро посчитала, зарплаты моей хватило с лихвой и еще много осталось. Бочку по моей просьбе выкатили на площадь перед магазином («Ты только кран потом мне верни!») - строго и счастливо наказала продавщица), я громко крикнул: «Мужики, угощаю, наливайте, пейте даром!» Поняли не сразу, а когда поняли – пир пошел тут же, пить стали, не отходя, и поновой становились в очередь. А я, довольный, со стороны наблюдал за всем. Даже желание выпить пропало: так стало мне хорошо.

Помаленьку бочка пустела, в толпе началось волнение. Стали друг друга отпихивать, ругаться начали. Я забеспокоился: «Мужики, да всем хватит, вы чего!» - и тут же получил в ухо. Обернулся – передо мной стоял невысокого роста мужичонка, и борода у него была – ежиком, напрасно Кононенко говорил – «так не бывает!» Всяко бывает. Мужичонка на меня злобно глядел и цедил сквозь зубы: «Провокатор! Я тебя, суку...» - и снова норовил дать мне в ухо.

Спас меня участковый. Видимо, его вызвала продавщица. Он подошел сразу ко мне, крепко взял под руку, отвел в сторону.

- Ты пиво купил?

Я кивнул.

- Пошли. Хулиганство оформлять будем.

...В «обезьяннике», куда обычно собирали алкашей и бомжей, я сначала долго не мог прийти в себя от такого поворота собственного сюжета.

А потом стал смеяться. Я понял, что многого в этой жизни еще не знаю. И не только потому, что ничему и никогда не учился – просто потому, что жизнь не вижу, хотя и смотрю на нее.

Я понял, что жизни, как любой науке, надо учиться.

И я стал учиться жизни.

9.12.2015